

Рита КУЗНЕЦОВА

Краснодар

Женщина в мужском обществе: культурный конфликт в традиционной и современной Абхазии

Рита Шалвовна Кузнецова (Мамасахриси) окончила факультет романо-германской филологии Кубанского государственного университета. В настоящее время она является сотрудником Центра содействия развитию и правам расовых и этнических и лингвистических меньшинств. Ниже публикуется описание проекта, над осуществлением которого она сейчас работает.

В НАСТОЯЩЕЕ время имеется уже много изданий, которые выражают женское представление относительно проблемы гендера, его происхождения и диахронии (Экер 1988, Бок 1989 и т. д.). Кроме того, мы знаем несколько классических антропологических работ, типа: “Сексуальная Жизнь в северо-западной Меланезии” Бронислава Малиновского (1929), “Мужчина и женщина” Маргарет Мид (1949), или “Психоанализ и антропология” Гезы Рохейма (1950). Они посвящены сексуальным отношениям в различных культурах. Однако, до сих пор ощущается недостаток междисциплинарного сотрудничества, редки еще попытки объединить усилия женщин-академических ученых (антропологов, филологов, историков) и женщин-общественных лидеров, борющихся за свои права.

На основе различных источников и данных полевой работы автора, изданных и неопубликованных статистических демографических переписей, художественной литературы, мы попробуем исследовать положение женщин Абхазии в семье, домашнем хозяйстве, на государственной службе, в течение последней сотни лет (1890—1990-е годы). В наши дни изучение условий жизни в Абхазии важны и интересны для специалистов и общественного мнения, потому что эта страна представляет собой огненную точку на карте, как результат драматической войны — т. н. “Грузино-Абхазского вооруженного конфликта”. Обычно при изучении женского вопроса роль женщин в этнических конфликтах не принимают во внимание.

Историческая территория Абхазии занимает площадь около 8600 кв. км кавказского берега Черного моря от реки Псоу до реки Ингури. После включения ее в состав Российской империи и выселения в Турцию абхазских махаджиров, здесь поселились и быстро стали доминировать другие этнические группы: грузины, русские, армяне, греки. С этого времени и вплоть до 1991 года (распад СССР и начало грузино-абхазского этнического конфликта) Абхазия продолжала быть полиэтничной территорией. Однако, после начала войны из республики были изгнаны грузины (включая мегрел), а большая часть иноэтничного населения уехала самостоятельно из-за безработицы и разрухи. Доминирующим слоем населения опять стали абхазы.

Типологически абхазы принадлежат к таким культурам, для которых характерна гендерная дискриминация, как нормальный способ разделения социальных функций во всех аспектах. Отсюда характерными чертами этого общества являются: мужское доминирование, патрилинейное наследование собственности и счет родства, патрилокальное расселение после заключения брака. Традиционная абхазская культура состоит из двух отчетливых субкультур: доминирующей мужской и зависимой женской. Еще совсем недавно мужская субкультура имела даже свой собственный лесной (тайный) язык - только мужскую форму абхазского языка.

В течение прошлого столетия уровень мужского господства в Абхазском обществе увеличился. Возможно, этот факт связан с усилившим-

ся процессом христианизации и исламизации после Кавказской войны и российского завоевания. Теперь основная часть абхазов – формально христиане, и лишь незначительная их часть признает себя мусульманами.

Абхазы наряду с некоторыми народами Северного Кавказа (например, адыгами) имеют собственный кодекс чести *ансуара*, который устанавливает все правила поведения в жизни, в том числе отношения с дочерьми, невестками, женами и матерями. Центральным пунктом этих правил является категория женской девственности. Раньше, в случаях нарушения данного правила, нормы общего права (*адаты*) предусматривали суровое наказание.

Первое отношение, которое воспитывается у маленькой девочки к мальчику – это настороженность и ощущение антагонизма. Она учится жить в женском обществе и наблюдает за мужским со стороны. Доминирование мужчины над женщиной особенно ярко отражено в стратегии заключения брака. До 1920-х годов воровство (*умыкание*) и покупка невесты были наиболее популярными формами брака.

Условия гендерных отношений меняются в годы советского периода, когда была основана Автономная Советская Социалистическая Республика Абхазия, и в постсоветский период, включая годы Грузино-абхазского вооруженного конфликта и в послевоенное время. Несмотря на коммунистическую идеологию, которая декларировала свободу женщинам Востока, здесь в Абхазии все было понято по-своему. Для местных органов власти стало хорошим тоном упоминать роль женщины в обществе, но при этом внимание акцентировалось только на такой ее особенности, как материнство. Многие национальные авторы, классики абхазской литературы (Гулиа, Папаскири и др.) описывают только тех героинь, которые работают в колхозе и являются матерями-героинями.

Однако теперь традиционная социальная организация абхазов оказалась разрушенной. В этой связи создание курортной зоны (в Гагре, Пицунде и Новом Афоне, где были дачи Сталина, Хрущева, других советских руководителей) имело отрицательные последствия, как, например, распространение алкоголизма, употребление наркотиков, проституция.

Грузинские и русские женщины обладали более высоким статусом в своих обществах, чем

абхазские женщины в своем. Например, считается, что проституция – бизнес русских и частично грузинских женщин, прибывших на курорты Абхазии. Это привело к тому, что в это время этнические предпочтения стали характернейшей чертой брачной стратегии в абхазском обществе, т. е. абхазские мужчины стали предпочитать брать в жены абхазок.

Женская девственность продолжала быть самой большой ценностью и те абхазские девушки, которые лишились ее, пробовали исправить дело с помощью хирургов и гинекологов. Возник даже целый новый бизнес. Традиционные семейные отношения (моногамные или даже патронимические) стали более слабыми, но жены не превратились в глав домашних хозяйств. Часто женщина, разводясь с мужем, оставляла своих детей ему и уходила одна. Она продолжает быть менее интегрированной, чем ее муж, в структуру семейства и культуры в целом.

В 1988—1990 годах, накануне Грузино-абхазского конфликта, большие группы звиадисток – грузинских женщин (сторонники бывшего президента Звиада Гамсахурдия, “черные чулки” со слов Джабы Иоселиани) пробовали делать активную общественную политику в Абхазии. Грузинский министр здравоохранения (женщина), которая принимала участие во многих митингах националистов, даже объявила сексуальную революцию. Но, как известно, все это закончилось войной с большим количеством жертв.

Интересно, что во время военного конфликта активно использовалась эротическая риторика. Грузинские солдаты использовали как обозначение противника грубую русскую инвективу, означающую “тот, кто имеет *coitus* с козлами”, абхазцы отвечали на нее, обзывая грузин бичо (на грузинском, буквально означает “маленький мальчик” или “не мужчина”). В то же время, и с грузинской, и с абхазской стороны, средства массовой информации обвиняли друг друга в сексуальных насилиях и преступлениях и очевидно многие из представителей противоборствующих сторон делали это.

Во время войны и в послевоенный период гендерную ситуацию в Абхазии можно охарактеризовать как увеличение женской роли в экономической жизни страны. Военное положение и внешняя блокада делают невозможным почти любое передвижение абхазских мужчин за пределы Абхазии. Их сестры и жены стали главными

торговцами и мигрантами в Россию. Не исключено, что жесткая структура мужского общества заменяется более аморфными формами, в которых теперь уже появляется место не только для мужчин.

При работе над проектом исключительную роль играют два типа источников. Долгое время, я наблюдала жизнь абхазских крестьян в селе Лидзава, Гагрского района (родина автора). Это происходило регулярно, в течение 15—20 дней, каждое лето, начиная с 1985 и вплоть до 1999 года (включая годы войны). Другой тип – это подробные тексты интервью, самые первые из которых уже имеются на сегодняшний день. Они были получены в течении июля-августа 1999 года в Краснодаре (Краснодарский край, Россия), от информантов, мною и моим мужем, во время работы последнего над проектом, касающимся проблем коррупции в повседневной жизни (работа осуществлялась по гранту Центрально-Европейского Университета).

Все интервьюируемые, здесь представлены фрагменты текстов интервью, полученных только от двух из них, родились или очень долгое время жили в Абхазии, а затем во время войны или перед ее началом вынуждены были покинуть территорию автономной республики. Мои информанты – это люди, живущие среди родственников и близких. Несмотря на то, что полученная информация – не тайна и не является опасной для жизни и здоровья, но все-таки во избежание возможного дискомфорта и неудобств, я не намерена сообщать реальные биографические данные опрошенных.

“Мария Авраимова”, место рождения: Алтайский край (Российская Федерация); **социальный статус (позиция):** бухгалтер, государственный служащий, **этническая (культурная) принадлежность:** русская.

Антрополог: Ну, первый вопрос такой. Чуть чуть о своей семье, то есть мне просто важно в какой среде... ты, человек, формировался, то есть где родилась, в каком году, сколько там в семье детей, ну, братья, сестры? Вот такая вот информация. Где школу закончила? Опять-таки, в каком году? На каком языке больше всего говорили? Ну если на русском, ну тут, да, да.

Информант: На русском языке. Ничего страшного? Так, значит, родилась я в Алтайском крае, там, где и мои родители. ... *(неразборчиво)* украинская, с

одной и с другой стороны. Совсем еще маленькой... родители переехали в Грозный – отцу предложили работу там. Химический комбинат там только открывался. Да, значит переехали туда, там прожили три года, потом жили в Гудермесе. Там, значит, я начала в школе учиться и... после шестого класса переехали в Пицунду.

Антрополог: А в школе училась с какого класса, начиная? Ой, с-ссс...

Информант: В Пицунде?

Антрополог: ...с какого года училась? В Гудермесе.

Информант: С шестьдесят девятого...

Антрополог: С шестьдесят девятого...

Информант: ... по семьдесят четвертый.

Антрополог: И там школа какая у вас была?

Информант: Школа была очень хорошая, была русская школа. Город был практически русский, Гудермес. Железнодорожное депо, город железнодорожный был. Ну, а родители работали на “Медзаводе” (?), там. Все руководство химическое, чисто... *(неразборчиво)*.

<...>

Антрополог: Ну, а расскажи теперь про... про школу. В школе какой ты училась?

Информант: В Пицунде?

Антрополог: В Пицундской, да?

Информант: В Пицундской русской школе.

Антрополог: В Пицундской русской школе. То есть у вас... кто в основном в классе был?

Информант: В основном чисто русские. У нас была абхазка Натела Ампилава и Резо Мамасахлиси.

<...>

Антрополог: Ясно. А вот ты помнишь, когда он ну ро-родился?

Информант: Брат?

Антрополог: Брат, да.

Информант: Один... первый или второй?

Антрополог: И первый, и второй, я не знаю...

Информант: Конечно помню. Второй родился *(неразборчиво)*. Если ты хочешь, я тебе расскажу, как у нас в роддоме гагрском, когда, ты наверно в курсе, что у меня был другой ребенок – девочка, что умерла, вот я тебе расскажу интересную историю, как мне предлагали как там детей купить.

Антрополог: Ух-ты-ыы?!

Информант: Ну, сразу, когда я родила, мне сказали: “зачем тебе ребенок, нет мужа и все”, — все сразу, разговоры – “зачем он тебе нужен, давай, оставь” — и сразу цену ставят – “к сожалению, за девочку все-го тысячу даю, если б мальчик был – полтары”.

Антрополог: Тысячу рублей?

Информант: Да. А за мальчика полторы. Даже: “тебе, что тысяча рублей не нужна?”

Антрополог: А это какой год был?

Информант: Это был восемьдесят третий (*неразборчиво*).

Антрополог: А как, в какой форме происходило?

Информант: В прямой!

Антрополог: Это не не коррупция, конечно, но просто...

Информант: Сама врач гинеколог мне предлагает: “хочешь, не хочешь”. А коррупция в том, что меня привозят в роддом, привозят меня в шесть утра, у меня воды отошли, все говорят: “ну, вот пусть лежит, в шесть утра, и ждет следующую смену.” Моя мать в курсе этого, говорит: “Ребенок задохнется без вод, непонятно, что там будет. И как. Вот, у меня есть только триста рублей, остальные потом довезу.” Действительно, вот утром у нее было триста рублей и все. — “Остальные я вам потом довезу”. Они говорят: “Ну раз так, сейчас мы роды примем.” Вот жесткую стимуляцию, раз!

Антрополог: А, вот, не можешь подробно рассказать, то есть со слов матери, как это именно происходило? Вот, кто конкретно говорил, там, ну через посредника или прямо?

Информант: Прямо. Мать проходит, подходит к акушерке-гинекологу. Помню хорошо. Врач-гинеколог это была, Медея. Акушерка была – Аракси. Она прям Медею этой говорит: “у меня с собой только триста, если вы согласитесь – надо что-то делать.” Она говорит: “конечно, надо. Ну, раз так, то сейчас все сделаем.” И укол для стимуляции нашелся, и все, все, все.

Антрополог: Ну, и потом она вынуждена была доплачивать?

Информант: Естественно, потом мать еще привозила, добавляла ей. Ну, потом там уже и с другой стороны деньги пошли, и все. Было по крупному. Там хорошо платили.

Антрополог: Ну, как... какая сумма примерно, как ты считаешь?

Информант: Там еще с папы не меньше тысячи взяли, если не больше, потому что с него тянули (*неразборчиво*). Это считалось в порядке вещей. А так, вот у меня с... подруга у меня рожала, Лариска, которая со мной работала. Она родила, и лежит: “слышу – говорят: “кажется, мы сегодня работали на советскую власть”.

Антрополог: Это где было. Тоже в Гагре было, да?

Информант: В Гагре. Понимаешь? Фраза! Что нам сегодня ничего не дадут! (*смеется*) (добавляет И.: Красиво!)

Антрополог: А чем Медея известна эта?

Информант: (добавляет И.: Ну, она была всегда известна. У нас она наверное была единственная, как бы... Ну, чем известна? Она была то ли заводчелением...) ..., а знаешь, в тоже время, я скажу, но без этого тоже нельзя. Я рада! Что, по крайней мере, хоть так. А не бери деньги они, непонятно, чтобы было со мной, как?

Антрополог: То есть гарантия какая-то.

Информант: С одной стороны, да. Тоже самое, что и здесь в роддоме я лежала, тот же самый вариант. У меня была гарантия, я была спокойна, потому что мы заранее все это... (*неразборчиво*). Да, и потом со мной..., чуть ли не на руках носили. Бог его знает, плохо это или хорошо. Потому что медицина действительно у нас... Ну, что они копейки получают.

Антрополог: Но Медея ваша не копейки получает! (*смеется*)

Информант: Ну, Медея, да (*неразборчиво*)..., но насчет детей, продажи, вот это она мне тоже говорила. Конкретно: “оставляй ребенка и все.”

Антрополог: А она вообще вот сейчас вот где?

Информант: Не знаю.

Антрополог: Она грузинка была, да?

Информант: Да.

Антрополог: То есть уехала.

Информант: С Лидзавы...

Антрополог: С Лидзавы, да?

Информант: (*неразборчиво*).

Антрополог: Ну, вот, какие еще, как ты считаешь, такие вот интересные случаи? Можно рассказать... Знаешь мне еще, что интересно?

Информант: Ну, по поводу медицины, тебе скажу, там жутко... зарабатывают те, кто аборт делают. Подпольные, без права, без всего. Знаменитые были тоже: Эмма Моисеевна и Цибринский, по-моему.

Антрополог: Это тоже жили в Гагре, да?

Информант: Да, это тоже (*неразборчиво*)... чисто все. Ну, видишь, как хорошо сейчас стало. Сейчас открывают частные клиники. Естественно, на платной основе все это можно, а раньше (*неразборчиво*)...

Антрополог: Ну, а сколько, вот какая примерно сумма была в те годы?

Информант: Двадцать пять рублей.

Антрополог: Двадцать пять рублей, да? А как давалось? Приходишь к врачу, сразу должен дать?

Информант: Нет, понимаешь, нужно через кого-то придти. Если ты пришел сам, тебя не возьмут. Потому, что бог его знает? Все было очень строго. (*неразборчиво*)... Ну, поэтому они только через кого-то. “Кто вас послал? А-аа, той я уже делала, ту я уже знаю, тогда ладно. Заходите.” Представляешь, все это. Так, сейчас даже страшно подумать, как в антисанитарных условиях было, как это все проходило и, боже мой, чем они могли всех заразить и вообще столько... сделать каждому.

<...>

Информант: Все хорошо! Все в порядке вещей. А к Сашке пришла первый врач, первый раз врач. Только его из больницы привезли, ребенку еще нет года. Я участковому звонила. Тот, такой злой. Села: “Ой! Ребенок такой больной. Что я с вами буду делать? Да вообще, и я замучалась. Да, еще искусственник!”

Антрополог: В общем угрожает (*смеется*).

Информант: “Да, вы что! Это все!” В общем конец света. Всего такого мне наговорила! Я сидела, сидела. Она выходит. Я достаю сто рублей и отдаю ей. Она возвращается... С лицом! Не передать, не пере-сказать! Улыбка...!

Антрополог: А куда она выходит?

Информант: Уже, уже обутая, в дверь выходит. В дверь!

Антрополог: А как ты даешь?

Информант: Я просто ей даю, говорю: “Спасибо, что вы пришли.” Она берет у меня эти деньги — “Раз так! Нат, вам мой домашний телефон. Звоните хоть днем, хоть ночью.” Я говорю: “Да, ради бога, я уже счастлива. Я уже счастлива!” Ты понимаешь? Я теперь... И теперь она мне (*неразборчиво*)..., я в любое время дня и ночи я могу ей позвонить. Она придет. Посмотрит ребенка и сделает все, что можно. Понимаешь? В общем-то получается, что лучше действительно дать и жить спокойно. Чем потом бегать, искать кого-то, что-то делать.

<...>

Информант: На работу без проблем меня взяли, просто бухгалтер, поэтому. Это здесь было без проблем. Вот когда я учиться ехала! (*неразборчиво*)

Антрополог: Ну, ну... Бухгалтером была в “Курорте”, да?

Информант: Это были, как бы некоторые проблемы... (*неразборчиво*), что я русская, но это не интересно, да?

Антрополог: Наоборот наоборот.

Информант: Он был главным бухгалтером, у нас, Коляндра. Да, сто процентов.

Антрополог: Кто?

Информант: Коляндра.

Антрополог: Коляндра? А кто это? Ну, молдаван... молдавская фамилия. Ну...

Информант: Так вот он очень хотел, чтобы я училась. Считал, что умная, все. Все схватываю на лету... (*неразборчиво*) Такие все письма писал, что на лету, значит уже. Уже собиралась заочно учиться. Уже сколько времени прошло, как я работала. Тут, приходит распоряжение, там, у него бумажка в руках, что два месяца в Москву есть шесть очных, два заочных, и... в Ленинград, два очных, два заочных. И (*неразборчиво*) подходит и говорит: “Посмотрите, Марину надо отправить учиться. Кого еще на экономический факультет отправлять (*неразборчиво*), как вот только ее. Ну, и зв... звонит в отдел кадров, — “Что, — говорит, — у вас там, разрядка пришла? Вот у нас Марина.” — Они говорят: “Нет.” — Он сказал: “Как нет?” — “Этим занимается партком.” А партком — Бигвава у нас же. Ну и звонит ему. Виктор Васильевич — такой добрый человек, главный бухгалтер. Звонит ему: “Нам надо учить Марину.” — “А (*неразборчиво*) нет.” — “Как нет? Нам принесли бумажку из отдела кадров.” — “Отдел кадров? Ну, значит (*неразборчиво*) за это.” (*неразборчиво*). И уговаривали. И уговаривали, там такой абхаз был. Сидит так: “Инга, поедешь в Москву учиться?” — “А зачем?” — “Как, зачем? Учиться в Москве.” — (*неразборчиво*) в Высшую профсоюзную школу.” — “Плевала, зачем мне учиться.” Знаешь, вот разговоры у ребенка (*смеется*).

Антрополог: А какой это год?

Информант: Это — восемьдесят шестой. Ну, а потом случайно случайно оказалось свободно одно... Понимаешь, все ринулись на заочное идти. Все семейные (*неразборчиво*)... И случайно оказалось одно очное место. Они думали, что я откажусь. Как говорится, они сыграли мне на руки по крупному. Мне повезло крупно (*смеется*). (*неразборчиво*)... за четыре года, действительно, все изменяется (*неразборчиво*) Но здесь было четко: вот только наши и все. (*неразборчиво*)... не напрямую, мне уже потом говорили. “(*неразборчиво*) Виктор Васильевич, нам нужен свой.”

Антрополог: А кто это говорил?

Информант: Бигвава. Потом, правда, мы с ним стали лучшие друзья. Мы учились с его племянником, там (*неразборчиво*)

Антрополог: А сейчас эти люди есть? (*неразборчиво*)

Информант: (*неразборчиво*) Бигвава там сейчас ходит, отдыхает...

Антрополог: (*смеется*) Как и другие, да? (И. дополняет: отдыхает, ходит на море.)

Информант: Есть, я встречалась с ним, даже разговаривала (*неразборчиво*).

Антрополог: Слушай, а вот у тебя даже мысли не было в Сухуми поехать учиться?

Информант: Я поступала! ...так это еще такая история вообще интересная. Ой, вот там это действительно было интересно (*смеется*)! Это уже третий год после окончания, в Москве там по конкурсу..., главное обидно, что каждый раз я по конкурсу не проходила. Я сдавала все экзамены – не хватало полбалла (*неразборчиво*). Полбалла! (*смеется*) (*реплика И.*) вполне возможно. Но здесь в Сухуми, ну, ясно, я единственная еду с направлением. Но на заочное отделение и специальность “бухучет”, на которую я очень не хотела поступать..

Антрополог: Это после Москвы, да?

Информант: После Москвы. Я еду в Сухуми. Это был восемьдесят третий. Нет, это был восемьдесят второй... восемьдесят второй. Ну, думаю, ладно. Единственная с направлением. Предприятие, которое очень коти... кодировалось. Котировалось, сказала кодировалось. Как потом, там вне конкурса проходили по направлению. (*неразборчиво*)

Антрополог: А направление чего у тебя было?

Информант: С работы, с предприятия.

Антрополог: От какого?

Информант: Ну, от “Курорта”. Направление мне вручили. И-ии, да, аттестат у меня был – “четыре и семь”. Это считалось... Четыре экзамена. Ну, экзамены, там вообще очень интересные. Математику, я только начала что-то писать, говорить... я написала все решения, все, все там сделала номера – математику я всегда делала нормально. (*неразборчиво*) профессор молодой, Гварамия. Он говорит: “три” ставлю и иди”. Я говорю: “А почему?” — “А будешь спорить, “два” поставлю.” Вот, таким же образом, мне поставили “четверку” на истории, тоже разговаривать не дали, “четверку” на географии. Три балла у меня было: “неважно, иди.” Пишу я сочинение. А когда я пришла на сочинение, ко мне подходит женщина и говорит: “В общем так, вас осталось уже ровно столько, сколько надо. Отсеивать мы уже ни кого не будем. На “бухучет” конкурс небольшой, вот все вы проходите, как (*неразборчиво*.)” Ну, я уже так заткнулась, спокойненько пишу сочинение свое. Чего там? Светлана Маслова ко мне прибежала, значит, читала мое сочинение, дочка ее по-

ступала тоже в Университет. Говорит: “интересное сочинение, только не понятно, почему у тебя там в одном месте короткими фразами” — фактически было сказано уже.

Антрополог: А кто это – Светлана Маслова?

Информант: Завуч в нашей школе.

Антрополог: В школе, где ты училась?

Информант: Там у меня была цитата (*неразборчиво*). И там короткими фразами. Мимолетом явно было написано, что чье это и что это. Значит, они решили, что (*неразборчиво*). Они ставят “четверку” из-за того, что у меня стиль не тот: короткими предложениями. Ну, бог с ним, “четверка”, так, ладно. (*вздыхает, смеется*) Когда я приезжаю за результатом, мне говорят: “Девушка, вы не прошли по конкурсу.” (И. *смеется*) Я говорю: “Как это? Так сказали же, что никакого конкурса не было. Рассказывают, что там намного меньше, чем я набрала.” — Она говорит: “Вы все равно не прошли. Мы взяли с других групп, которые больше набрали.” (*вздыхает*) И-ии вообще не понятно как. А то было даже так, что вот на географии при мне девушка получила “два” и тут на сочинение она приходит и говорит: “У меня по географии “пять”.” А “двойка” у нее была за то, что она не могла найти Волгу на карте.

Антрополог: То есть ты это слышала, да?

Информант: Да, она при мне сдавала. Мингрелка была. “Ну, найди Волгу на карте!” (*неразборчиво*) она никак. (*неразборчиво*) Вот она выходит с двойкой и приходит на историю, такая довольная, и говорит: “А у меня “пять” по географии!” Понимаешь? Вот это было в порядке вещей.

<...>

Антрополог: Ну, ты это связываешь с чем? С тем, что не заплатили, да?

Информант: Оно даже однозначно.

Антрополог: А... откуда такая информация? Когда ты поняла, что это так?

Информант: Потом другие поступали. Было так, как девочка-абхазка тоже пыталась сама поступить. В первый год не поступила, а на второй год родители семь тысяч заплатили. На филфак.

Антрополог: На филфак, да?

Информант: (И. дополняет: ну, Марина поступала. Помнишь я тебе говорила?)

<...>

Информант: А в Краснодар я приезжала. Мне сказали... у вас есть эта специальность в Тбилиси. Можете ехать туда обучаться. Вы из Грузии, до свидания. Я в прямом смысле приехала сюда, сдала доку-

менты. Главное, сдаю в Торговый... филиал Торгового Московского вот здесь. Ну, у меня принимают документы. — “Ой, какие у вас хорошие документы.” — Мне направление на работе дали, заочный. — “И направление у вас есть. Тоже ни у кого нет направления. И аттестат хороший. Да, вы все” — говорит: “Поступите, только так.” А потом открывает паспорт...

Антрополог: Это куда? Куда ты поступала?

Информант: В филиал Московского Торгового.

Антрополог: Какой год?

Информант: В Краснодаре. Это – семьдесят третий. Ну, и вот так она тоже посмотрела, все, пишет уже прописку мою, все. И смотрит: “Абхазия, это где? Это – Крым? Так это у нас” — говорит: “Или Крым?” — “Да, не Крым.” — говорю — “Абхазия” — “А-аа Абхазия, ничего не могу сделать. Все.” — говорю — “Да, расстояние там действительно ближе, чем до Крыма.” — “Все равно. Нет. Вы должны учиться только в Грузии. В Сухуми такой специальности нет, зато есть в Тбилиси такая, пожалуйста.” (*неразборчиво*)

<...>

Антрополог: Ну, не знаю, какие-то еще случаи есть?

Информант: Надо подумать, может и есть? А что именно? Что конкретно?

Антрополог: (*неразборчиво*)

Информант: (пауза) Про Каневской... Женщина ро... , ну как, в прямом смысле женщина, ей тридцать девять

Антрополог: Это в Краснодаре?

Информант: Да, в Краснодаре. Вот она родила, она говорит: “У меня вот денег нет”. Она привезла где-то три ящика яблок, килограмм двадцать мяса, курей, вот все все. Все это у нее разложено и... И они, в принципе довольны — “хотя бы так!” Как говорится, лучше куры — “не на советскую власть...” И очень многие так привозят. Другая девушка лежала, так у нее вообще мать возила баллончиками всякие соленья, помидорами. Что есть, они не отчего не отказываются, все берут. Все, что есть. Для них это — может быть даже еще и лучше. (*неразборчиво*). (пауза)

“Роза Абрскил”, возраст: 44 года, место рождения: г. Гудаута (Гудаутский район, Абхазия); социальный статус (позиция): адвокат, беженка, этническая (культурная) принадлежность: абхазка.

<...>

Информант: Ты уже включил? Ну, родилась я городе Гудаута.

Антрополог: В городе или...

Информант: Это город. Город Гудаута, да. Это в Абхазии город Гудаута. Ну, родилась... семья у меня такая небольшая была: мама, папа, бабушка, тетя с нами жила. Две тети, дедушки не было, потому что он уже к тому времени умер. Ну, так вот детство мое прошло все в Гудаутах.

Антрополог: Но, вот откуда из каких мест отец, мать происходят?

Информант: Они... в принципе они гудаутские. Они... — это гудаутский район.

Антрополог: Из каких сел?

Информант: А не из села. А ты имеешь ввиду уже дедушки, прадедушки, прапра... прадедушки?

Антрополог: Да, да.

Информант: Это есть такое село — Куланурхва.

Антрополог: Куланурхва.

Информант: Гудаутского района. Но район Гудаутский, да. Но мама родилась в городе. И мама родилась в городе, и бабушка, в общем, у меня — Ласария, она... они, тоже, по-моему, где-то из этой же деревни.

Антрополог: То есть ты и по материнской и по отцовской линии получается...

Информант: Да, в основном да. Они из одной деревни там. Да, это Гудаутский район. А потом они, видимо, переехали в Гудауту. Это было так давно, что я не знаю. Ну, я родилась в Гудаутах. Родилась в пятьдесят пятом году. Ну, школу я закончила... до восьмого класса...

Антрополог: А сестра, братья?

Информант: У меня одна сестра, но она родилась позже, намного, на восемь лет младше меня. Она тоже родилась в Гудаутах, я родилась в Гудаутах, прожила... жили мы в Гудаутах до... я была в шестом классе, перешла в седьмой класс и мы уехали жить в Пицунду (*неразборчиво*).

Антрополог: В сам поселок?

Информант: Да, в сам поселок. Пицунду — это было связано с работой мамы. У нас “Курорт” открывался, они набирали работников и мама переехала туда жить. Э-ээ, ну, естественно, надеялась, что там будут квартиры, ну и все там. И так со временем и произошло. Сначала они снимали, я помню, снимали мы квартиру в Пицунде. Годика два мы жили на квартире.

Антрополог: А где там, в каком месте?

Информант: А почти в том же месте, где потом уже были построены дома. Вот при въезде в “Курорт Пицунда” с этой стороны, при Помпиду снесли все бараки, вот и построили... парк развели, вот в том месте стоял домик, где мы снимали квартиру. Квартиру уже снимали, у меня уже, когда сестра была. Ей годика четыре, Марине, у нас разница восемь лет. Уже была Марина-сестренка, мама, отец и бабушка. Мы ее забрали из Гудаут, потому что за ней там уже смотреть некому было. Я до восьмого класса, до седьмого там прочилась, а потом перешла в Пицундскую школу.

Антрополог: А вот такой вопрос: на каком языке в основном говорили дома?

Информант: В основном на русском. У нас как-то было принято. У нас все чисто говорили на русском. Бабушка у меня говорила хорошо по-русски. И так, сугубо личные какие-то проблемы, если кто-то в доме был, там, если что-то кто-то... там не слышал... чисто для себя мы могли на абхазском так друг другу что-то сказать. Но в основном общение было на русском, потому что и школа была русская у меня, тети у меня учились...

Антрополог: И там, и в Гудауте, и в Пицунде?

Информант: И в Гудауте, и в Пицунде я училась в русской школе. Но в Пицунде я училась всего восьмой класс, потому что после восьмого класса я уехала в Сухуми поступать в музыкальное училище. Я в его... я поступила в училище музыкальное, я его закончила в семьдесят четвертом году. Проработала год в Пицундской музыкальной школе учителем музыки, а потом решила уже... к тому времени мама уже... мы все в Пицунде жили уже, обосновались, потому что было жилье, у нас была двухкомнатная квартира уже в Пицунде и мы... в Гудауту ездили только так – в гости. по выходным, потому что и бабушка жила с нами, ну все переехали уже основательно в Пицунду. В Гудаутах только дом бабушкин остался, дедушки, бабушки дом, который..., как родительский дом мы потом его постоянно ухаживали, смотрели. А... потом, проработав год в школе музыкальной, мама к тому времени тоже работала... в баре, ну в торговле она работала, в баре... Мама к тому времени, ну, в принципе, конечно... чего я сейчас говорю? Все, работала у нас в основном мама, у меня вообще не отец, а отчим...

Антрополог: А-аа!

Информант: Да, и вторая сестра, сестра моя единственная... от... второго брака моей мамы, так что, вот, она мне сестра, но, я-то в принципе сестра конечно..., понимаешь, а мне он – отчим.

Антрополог: Она там осталась или здесь?

Информант: Она... нет, она сейчас в Москве, живет, у нее... муж грузин был. Они сейчас в разводе, да, но в свое время они выехали вместе, поехали в Москву, потому что там были родственники мужа.

Информант: <...> как-то у меня так жизнь сложилась, что вот я, сколько-то лет, почти годика три училась в Гудаутах, а мама в это время уже поселилась в Пицунде, и вот... я как-то была так вот, сама себе предоставлена, с бабушкой жила, но бабушка больная и я больше... я ухаживала за ней, чем бабуля за мной. И поэтому маме часто приходилось не успевать на собрания приехать там, на что-то, естественно, когда она приезжала с Пицунды, я помню, например, свою классную руководительницу, которой мама постоянно... из чувства благодарности, что вот она вот на собрание не смогла приехать туда, она позже всегда приезжала, и а-ааа... та... так якобы как-то и... следила за мной, смотрела за моей успеваемостью, потом маме (*неразборчиво*)...

Антрополог: По собственной инициативе?

Информант: По собственной инициативе. Мама...

Антрополог: Или какая-то родственница, там знакомая особая была?

Информант: Нет, абсолютно нет. Мама приезжая, всегда считала, что вот, она не успевает, во время, там и с преподавателем поговорить. Вот классная руководительница всегда улаживала все проблемы, если какие-то по мне происходили. А потом в конце недели мама приезжала, и мама, естественно, если не успевала в конце недели, так в следующую неделю, мама всегда как-то, я это сейчас помню, всегда из чувства благодарности, вот всегда ей что-то везла. Может это не выглядело таким большим подарком. Это могли быть продукты питания, какие-то там, дефицитные на тот момент. В таком вот духе. Ну, как, что она из торговли в принципе, в торговле могла там что-то продукты питания какие-то очень...

Антрополог: Она работала в системе торговли?

Информант: Все время работала в системе торговли. И тогда, когда она в Гудаутах жила, и тогда, когда она уже в Пицунду переехала. В таком плане у нас всегда были, ну, не было так, чтоб это было... нет, из чувства благодарности. Потому что, действительно, мама м-мм могла по две по три недели отсутствовать, она работала посменно, буквально, по две недели – по пятнадцать дней мама обычно работала и по пятнад-

цать дней, как-то она за пятнадцать дней приезжала и спрашивала, как у меня дела, были ли сложности, и вот моя классная руководительница обычно все улаживала. Сложностей таких особых не было, ну, просто, там, собрания какие-то.

Антрополог: Ну, не было так, что какой-то учитель придирался особенно.

Информант: Не было. У меня как-то проблем с учителями не было. Я была такой, в роде бы и активисткой, и в тоже время покладистой. Проблем я не создавала. Наоборот, была очень активной в школе. Потом, я уже стала пассивной (*смеется*). И поэтому я как-то...

Антрополог: А вот такие, подарки преподносились, буквально, подробно, как это происходило все?

Информант: Мама, обычно, вот если не успевала это сделать в школе, приезжала вечером после смены и шла к ней домой.

Антрополог: Домой, да?

Информант: Да, и идя домой, вот, естественно, раз она идет домой, спросить как там мое дите, отрывает ее...

Антрополог: Что-то должна принести, да?

Информант: ...да она, естественно, считала не то, что необходимым, а ей хотелось, от души придти и сделать ей приятное, и она что-то несла ей там домой, но это никогда не выглядело в таком... я не знаю, для естественно как-то...

Антрополог: А что это могло быть?

Информант: Я говорю, даже продукты питания. Вот, например, мама едет там, может быть было плохо с сахаром, может было плохо с мукой, вот такие вот вещи, с крупой.

<...>

Антрополог: Какие это годы?

Информант: Так это, представляешь, если в семьдесят втором я окончила школу, это... шестьдесят третий, шестьдесят четвертый, шестьдесят... Я в пятьдесят пятом родилась, вот так считай вот, я сейчас...

<...>

Антрополог: А вот когда сестра родилась? Не помнишь как это все происходило?

Информант: Я помню мы в роддом приехали, кстати..., но я-то еще тоже, мне там восемь лет было, ну, приехали ее забирать, что-то уже при выписке мы... тоже врачу и медсестрам, вот та, которая выносила ребенка, я помню, с цветами мы были, цветы дали вот той, кто вынесла и так в карман, вот вышли много нянечек, медсестер, каждой там, по-моему, что-то по десять рублей, что-то вот в тот период это было вот так...

Антрополог: А какой год это, еще раз?

Информант: Шестьдесят третий, я помню. Шестьдесят третий год, да. Это был шестьдесят третий. Вот в таком порядке. И врачу тоже это кладешь. И даже... я вот всегда эту неловкость по всей жизни пронесла. Вот почему у меня такой казус произошел в больнице здесь в Краснодаре, что я вот, мне, я считала, что я могу унижить человека, оскорбить, начиная явно предлагать эти деньги, поэтому всегда делалось это так незаметно и никогда не оговаривалась сумма у нас дома. Я клала столько, сколько я... примерно полагала, мне нужно. А так вот, чтобы я знала что и сколько. А теперь я...

<...>

Информант: она в семье как-то вот мама была такая, вот всю жизнь все было на ней. Она и работала, она и воспитывала, она и смотрела за нами. Ну, ну, все было на ее плечах и поэтому мы были как-то полностью ограждены: откуда эти деньги берутся? Как они берутся? Как они ей даются, тяжело и легко? И вообще, как мы в жизни устраивались, как наша школа проходила, как мы поступали – все эти проблемы были мамыны и она как-то всегда их решала за нашей спиной и мы чаще всего даже не знали, что, сколько, как у нее.

<...>

Информант: Да, в университет. Вот тогда я знала, что я, в принципе, если я буду рассчитывать только на свои знания, то я не поступлю, потому что, во-первых, я... не в России закончила школу, не здесь жила, не здесь воспитывалась... и это как-то с детства мы знали, что если мы едем учиться в России, а даже, если даже не в Россию, ну, даже если у себя, но проблема эта всегда возникала, знали, что вот поступление в высшее учебное заведение связано обязательно с чем-то, если там не уверены даже в своих силах, способностях, а-ааа... то, что приходилось поступать уже в России, то это сразу было ясно, что вот человек... в России так просто ты не попадешь, потому что у тебя фамилия не та, все, образ жизни другой. Поэтому, вот, впервые, когда я приехала поступать уже я знала, что у моей мамы были вот такие конкретные переговоры и оговаривалось, но, я тогда в то время, я тогда даже не посвящалась даже в это, не посвящалась, потому что переговоры не со мной велись и я единственно, что штудировала, я должна была заниматься с преподавателями, занималась в течение двух месяцев до поступления в вуз, потом я шла сдавала.

Антрополог: Это какой год?

Информант: Семьдесят пятый.

Антрополог: И таких никаких казусов не произошло?

Информант: Не произошло. Абсолютно все прошло так, как-то гладко, я, в принципе, вот как приехавшая даже с Кавказа, я, в принципе, прошла такую беседу с теми людьми, которые помогали мне поступать и я им как-то понравилась, они сказали: “нам, кажется, сложности с ней не будет”, потому что язык я знала, ну, в принципе, они смотрели больше как я разговариваю на русском языке, как я пишу – грамотно или неграмотно, и вот эти все какие-то барьеры я прошла. И потом, когда я пошла уже сдавать экзамены, у меня ни на одном из экзаменов не было проблем, прошло как-то все гладко то, что сама я там что-то... тоже отвечала и перестраховка какая-то была видимо, не видимо, а она действительно была.

<...>

Антрополог: Ну, вот расскажи о-оо об этом, о трудоустройстве еще тогда?

Информант: Ну, трудоустройство, что? Да, после окончания, я вот лично как столкнулась с тем, что я закончила когда музыкальную школу, это я без проблем устроилась в музыкальную школу, там не нужно было кого-то ходить упрашивать, приходишь к директору, старалась... была возможность – нужны были преподаватели. А после окончания института я вот приехала домой... и я, естественно, изначально... решила стать... уйти в адвокатуру, поэтому надо было ехать... надо было ехать, вообще Президиум Коллегии адвокатов находился в Сухуми, нужно было там решать этот вопрос.

Антрополог: Решать...

Информант: Да. Но и опять-таки, мы не спрашивали... не начинали с того, что это сколько это будет стоить, мы просто искали: близких, знакомых, друзей, кто может соприкоснуться с этим.

Антрополог: Искали человека, через которого это решать?

Информант: Да, найти человека, через которого это решать. И получилось так, что мы нашли человека, который оказался э-ээ... близким родственником моего отца.

Антрополог: А как... какое родство?

Информант: Родство? То ли двоюродный, то ли троюродный брат. А у него друг был в Министерстве юстиции. Вот двоюродный брат моего отца – министр там сельского хозяйства, а его друг был министром юстиции. И вот он говорит: “А что за проблема? Разве это такая проблема?” Мы говорим: “Мы знаем, что это проблема.”

Антрополог: Ты во время беседы была там?

Информант: А беседа состоялась не о том, что сколько стоит, а о том, что хочу очень попасть в адвокатуру, но знаю, что это проблема.

Антрополог: Вы поехали специально в Сухуми?

Информант: Да, поехали в Сухуми...

Антрополог: В каком году это было?

Информант: Это было... в девяносто первом... ой, подожди, в восемьдесят первом. *(неразборчиво)* перепутала десять лет. В восемьдесят первом году. В восьмидесятом я закончила, в восемьдесят первом году мы приехали, говорим это, а он так удивленно говорит, двоюродный брат моего отца: “А что это проблема что ли? Большое дело! Да, я вот сейчас к нему пойду, к этому человеку, и скажу, чтобы он взял.” А мы ему все время убеждаем в том, что там есть проблема, мы знаем, по слухам, что попасть туда очень сложно. А он нам твердит: “Да никаких сложностей! О чем разговор?! Все это я быстро решу, проблем там не будет.” Ну, естественно, он начинает решать и ему говорят: “добро”, он это решает и все, и в итоге..., мы в любом случае, чувствуем себя неловко и...

Антрополог: То есть о деньгах вообще речи не было в той ситуации?

Информант: Абсолютно. Да, потому что, когда мы начинали о чем-то серьезном говорить, он все время говорил: “Ну о чем разговор? Какие проблемы? Зачем надо о чем-то там говорить?” Мы говорим: “Да есть такая проблема.” Не говорим прямо, что это... что-то стоит или сколько стоит – мы не знаем, что сколько стоит, но мы говорим примерно так. А он нам: “Нет, нет, нет.” Ну, он в итоге нам помогает, все, он через министра это, тот дает свое согласие своевременно ему, он дает свое согласие, а тут остается еще... головное наше – это Президиум. И есть свой председатель Президиума, который, естественно, там вот на со... Президиуме решает вопрос о приеме. Согласие министра есть, министр просит этого, согласие министра там и ненужно было, просто он уже просит этого. Ну, естественно, вот по просьбе, мы уже тут сходимся вот с председателем Президиума, все. Все вопросы решены, меня принимают, я пишу заявление, все. И проходит какое-то время мне говорят: “Вот с такого-то дня по приказу ты принята.” Ну и мы все равно волнуемся: “Как же мы так, вот нас приняли, а мы вот еще не отблагодарили”. И это все нас мучает и поэтому мы находим человека, который нам говорит, что в такой форме можно благодарность выразить.

Антрополог: А что за человек?

Информант: А-ааа, работающий в той... той же сфере, такой же адвокат, как, куда поступаю я и это... Позже выясняется, что и председатель этого Президиума – родственник моего отца, он потом пофамильно меня узнает тоже, говорит: “Все, своя девочка. Как не берем? Кого же нам брать, если не своих?” И вот так вот. Но я все равно пытаюсь вот отблагодарить и не непосредственно тому человеку, а через вот тоже адвоката,... мы...

Антрополог: Через того, который посоветовал?

Информант: Да, посоветовал, да. И через нее, там вот мы... что-то мама передавала, я не могу конкретно опять сказать, потому что уже там мама. Я ж говорю то, что касалось каких-то этих, там уже решала мама. А вот все переговоры я тоже была, вот, когда вот меня представляли, за меня просили – там я была. А вот в момент благодарности меня уже там не было, но я знаю, что мама попыталась как-то, хоть там и отнекивались и говорили: “Ни в коем случае.”

